

На правах рукописи

Уланова Юлия Юрьевна

**Возрастно-половые и семейные факторы проявлений
кризиса трех лет у детей**

19.00.13 – психология развития, акмеология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата психологических наук

Санкт-Петербург-2017

Работа выполнена на кафедре психологии развития и дифференциальной психологии Санкт-Петербургского государственного университета

Научный руководитель: **Василенко Виктория Евгеньевна,**
кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития и дифференциальной психологии ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Официальные оппоненты: **Самохвалова Анна Геннадьевна,**
доктор психологических наук, профессор, и.о. заведующей кафедрой педагогики и акмеологии личности ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет»

Монина Галина Борисовна,
кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой индивидуальных и дистанционных форм обучения АНО «ДПО «Институт повышения квалификации специалистов профессионального образования»

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена».

Защита состоится «14» июня 2017 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.232.42 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Санкт-Петербургского государственного университета по адресу: г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 6, факультет психологии, ауд. 227.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Санкт-Петербургского государственного университета или на сайте: <http://spbu.ru/>

Автореферат разослан « » мая 2017 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Савенышева С.С.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

В современной российской психологии развития утвердилась концепция нормативности возрастных кризисов, берущая начало от идей Л.С. Выготского, кризис рассматривается как «акт развития» (К.Н. Поливанова). Наиболее ярко протекающим кризисом детства является кризис 3 лет. Несмотря на имеющиеся представления о его психологическом содержании (Л.С. Выготский, Э. Эриксон, Д.Б. Эльконин, Л.И. Божович, М.И. Лисина, М.В. Мухина, Л.Ф. Обухова, Т.В. Гуськова, К.Н. Поливанова, Н.В. Разина и др.), тема происходящих с ребенком преобразований в период кризиса остается актуальной. Связано это с тем, что в кризисный период идет перестройка детско-родительских отношений, вся семейная система испытывает определенную напряженность и перед родителями стоит задача поиска новых воспитательных стратегий. В свою очередь, семья включена в более широкий социокультурный контекст, на нее влияют преобразования в обществе. В кризисные периоды детства, когда ребенку открывается новое представление о взрослости, и растет его самостоятельность, наиболее значимы социальные изменения, связанные с образом взрослости и системой запретов, транслируемые, прежде всего, через семью. Психологическое сопровождение семьи в эти периоды приобретает особую значимость в современных условиях вариативности практик воспитания, размывания нормативных моделей родительства и в то же время понимания важности «родительской самооэффективности» (Аренделл Т., 2000; Поливанова К.Н., 2015), тенденций воспитания, связанных со стремлением родителей к гиперопеке и минимизации запретов (Головей Л.А., Савенышева С.С., Василенко В.Е., 2015). Задача семьи - найти баланс сохранения традиций и определенной гибкости в современном изменяющемся мире.

Несмотря на возрастающий поток исследований в области семейного воспитания, большинство из них касаются изучения влияния семейных факторов на разные стороны психического развития ребенка в стабильные периоды онтогенеза, в то время как эмпирические исследования кризисных периодов в этом плане немногочисленны. Так, показано влияние детско-родительских отношений на проявления негативизма и упрямства у детей, но в рамках стабильного дошкольного возраста (Шавырина А.А., 2012). В последние годы появляются исследования, затрагивающие взаимосвязь кризисных проявлений с особенностями семейного взаимодействия (Василенко В.Е., Зубкова М.В., 2013; Яблочкина А.А., Василенко В.Е., 2014; Головей Л.А., Савенышева С.С., Василенко В.Е., 2015), но эта тема нуждается в дальнейшей разработке с учетом

фаз протекания кризиса. Отметим также, что в настоящее время нет четкой картины возрастно-половых закономерностей протекания кризиса 3 лет.

Таким образом, **актуальность** данного исследования продиктована необходимостью комплексного изучения кризиса трех лет: более подробным изучением проявлений кризиса 3 лет в разные микровозрастные периоды; анализом влияния на протекание кризиса факторов пола и структуры семьи; выявлением взаимосвязей разных категорий кризисных проявлений с характеристиками семейного взаимодействия; выявлением влияния характеристик семейного взаимодействия на характер поведенческих проявлений кризиса у детей в разные его фазы.

Следует уточнить, что в своей работе мы будем использовать термин «семейное взаимодействие» как обобщающий конструкт, включающий стилевые характеристики воспитания, параметры эмоционального взаимодействия матерей с детьми и интегральные показатели семейного функционирования: семейную адаптацию и сплоченность. Понятие «кризисные проявления» применяется в широком значении: оно включает в себя и конструктивные новообразования кризиса, и поведенческие проявления (симптомы) разных категорий.

Целью исследования являлось изучение проявлений кризиса 3 лет в связи с факторами возраста, пола ребенка, структуры семьи и характеристиками семейного взаимодействия.

Задачи исследования:

1. Провести микровозрастной анализ проявлений кризиса 3 лет у детей в возрастном диапазоне от 2 лет 1 мес. до 3 лет 11 мес. с целью выявления фаз протекания кризиса.

2. Изучить проявления кризиса 3 лет у детей с учетом факторов пола, структуры семьи (полная/неполная семья, наличие сиблингов, количество детей в семье), вовлеченности матери в воспитание.

3. Проанализировать особенности семейного взаимодействия: стилевые характеристики воспитания, параметры эмоционального взаимодействия родителей с детьми, характеристики семейной адаптации и сплоченности с учетом возраста и пола ребенка.

4. Выявить характеристики семейного взаимодействия, которые могут оказывать влияние на выраженность проявлений кризиса 3 лет у детей.

Объект исследования: проявления кризиса 3 лет и особенности семейного взаимодействия (стилевые характеристики воспитания, параметры эмоционального взаимодействия родителей с детьми, характеристики семейной адаптации и сплоченности).

Предмет исследования: различия в проявлениях кризиса 3 лет в связи с факторами возраста, пола, структуры семьи; характеристики семейного взаимодействия как предикторы проявлений кризиса 3 лет.

Гипотезы исследования:

1. Протекание кризиса трех лет имеет фазовый характер. Полагаем, что в его течении можно выделить 3 фазы: предкритическую, критическую, посткритическую, каждая из фаз ограничена определенными возрастными границами. Наибольшей выраженности проявления кризиса достигают после достижения ребенком 2 лет 10 мес., а посткритическая фаза наступает после 3,5 лет.

2. На протекание кризиса 3 лет влияют факторы пола и структуры семьи: кризис 3 лет раньше начинается у девочек в связи с их более быстрым темпом общего психического и речевого развития. Проявления кризиса могут быть более выраженными у ребенка в неполных семьях и при наличии сиблингов.

3. Предикторами кризиса 3 лет у детей могут выступать особенности семейного взаимодействия, прежде всего, стилевые характеристики воспитания, связанные с гиперпротекцией, непоследовательностью и строгостью матерей в воспитании, а также низкое эмоциональное принятие ребенка и негибкий тип семейной адаптации.

Методологическую основу исследования составили системный подход (Б.Ф. Ломов, В.А. Ганзен), антропологический принцип (Б.Г. Ананьев), принцип амплификации детского развития (А.В. Запорожец), положения культурно-исторической теории Л.С. Выготского, представление о возрастном кризисе как акте развития К.Н. Поливановой, положения клинического (А.И. Захаров, В.И. Гарбузов, Э.Г. Эйдемиллер, А.С. Спиваковская и др.) и аналитического подходов к детско-родительскому взаимодействию (А.Я. Варга, Д. Баумринд, Е.С. Шеффер, Р.К. Белл и др.).

Теоретическими предпосылками исследования являются представления о возрастных кризисах (Л.С. Выготский, Д.Б. Эльконин, Л.И. Божович, К.Н. Поливанова), понятие объективного и субъективного кризиса (М.И. Лисина, Т.В. Гуськова и М.Г. Елагина), положения об основных и дополнительных симптомах кризиса 3 лет (Л.С. Выготский), о субъективации в кризисный период способностей, сформировавшихся в предыдущий стабильный период и единстве деструктивной и конструктивной составляющих кризиса (К.Н. Поливанова), представление о закономерностях развития: неравномерность, гетерохронность, противоречивость, стадийность и структурность (Б.Г. Ананьев, Е.Ф. Рыбалко и др.), подходы к выделению стилевых характеристик воспитания Э.Г. Эйдемиллера и В.В. Юстицкиса и характеристик эмоциональной стороны детско-родительского

отношения Е.И. Захаровой, представление об основных компонентах в системе отношений «родитель – ребенок»: когнитивном, эмоциональном и поведенческом (Л.А. Головей, С.С. Савенышева, В.Е. Василенко, Е.Е. Энгельгардт), разработки в области исследования структурных характеристик семьи (В.М. Целуйко, А.И. Захаров, Е.О. Смирнова, В.С. Собкин, А. Адлер, Т.Н. Андреева, Л.Л. Баландина, Е.А. Силина, Т.А. Думитрашку, В.С. Мухина, Г.Т. Хоментаскас, R.V. Zajonc и др.).

Методы исследования

В исследовании использовался метод поперечных срезов (сравнивались 3 микровозрастные группы детей). В качестве эмпирических методов применялись комплекс психодиагностических методик и наблюдение за взаимодействием матерей с детьми.

Проявления кризиса 3 лет изучались при помощи опросника В.Е. Василенко и анкеты Т.В. Гуськовой (в модификации). Для исследования особенностей семейного взаимодействия применялись опросник «Анализ семейных взаимоотношений» (АСВ) Э.Г. Эйдемиллера и В.В. Юстицкиса для родителей детей в возрасте 3-10 лет, опросник детско-родительского эмоционального взаимодействия (ОДРЭВ) Е.И. Захаровой, Шкала семейной адаптации и сплоченности (FACES-III) Д.Х. Олсона, Дж. Портнера, И. Лави в адаптации Э.Г. Эйдемиллера и 2 карты наблюдений Ю.Ю. Улановой, В.Е. Василенко: стилевых характеристик воспитания и эмоционального взаимодействия «Родитель-ребенок» (на основе АСВ и ОДРЭВ). Для изучения структуры семьи применялась специально разработанная анкета.

Математическая обработка данных осуществлялась с помощью программы IBM SPSS Statistics 21. Применялись: описательная статистика, дисперсионный анализ по факторам: возраст, пол, наличие сиблингов, количество детей в семье, вовлеченность матери в воспитание, в том числе метод множественных сравнений Шеффе для выявления различий между тремя возрастными группами, корреляционный анализ по Спирмену, факторный анализ по методу главных компонент (метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера), множественный регрессионный анализ.

Выборка и базы исследования. В исследовании приняли участие 234 человека: 117 детей (65 мальчиков и 52 девочки) в возрасте от 2 лет 1 мес. до 3 лет 11 мес. и 117 их матерей. Базами исследования были МОУ «ЦППМ и СП» и дошкольные образовательные учреждения Всеволожского района Ленинградской области.

Научная новизна исследования заключается в его методологии, представляющей сочетание психодиагностических методов с наблюдением за

реальными ситуациями детско-родительского взаимодействия. Проявления кризиса 3 лет впервые изучались с учетом целого комплекса факторов: возраста, пола, структуры семьи (полная/неполная семья, наличие сиблингов, количество детей в семье), вовлеченности матери в воспитание и характеристик семейного взаимодействия. Выявлены возрастные границы предкритической и критической фаз, маркеры наступления «объективного кризиса». Показано, что фактор пола проявляется в критическую фазу: у девочек «объективный кризис» начинается раньше. Механизмом этого является более раннее развитие речи у девочек, появление слов, связанных с утверждением «Я», «хочу/не хочу», «буду/не буду». Показано, что среди факторов структуры семьи ведущее значение для кризисных проявлений имеет наличие сиблингов. Выявлены характеристики семейного взаимодействия, которые можно рассматривать в качестве предикторов кризисных проявлений на разных фазах кризиса 3 лет. Впервые показаны причины затягивания кризиса у детей, в том числе потворствующая гиперпротекция, незрелость родительских чувств, застревание родителей на этапе «усиления привычных воспитательных воздействий».

Теоретическая значимость исследования заключается в построении более четкой картины кризисных проявлений разных категорий в связи с возрастнополовыми факторами, структурой семьи и характеристиками семейного взаимодействия. Высокую значимость имеет выявление предикторов кризисных проявлений в предкритическую и критическую фазы, а также предикторов ситуации пролонгированного кризиса (после 3,5 лет) и, соответственно, определение ресурсов для благополучного протекания кризиса трех лет. Выявление роли эмоционального благополучия во взаимодействии матерей с детьми в предкритическую фазу, показ значения зрелости стилевых характеристик воспитания в критическую фазу и важности гибкости воспитательных воздействий родителей применительно к различным фазам кризиса 3 лет вносит вклад в понимание механизмов развития ребенка в кризисный период, что представляется чрезвычайно важным для психологии развития.

Практическая значимость работы. Точные представления о предикторах проявлений кризиса трех лет у детей в разные фазы кризиса являются необходимым условием создания коррекционных и развивающих образовательных программ и тренингов, направленных на оптимизацию процесса личностного развития детей и коррекцию детско-родительских отношений. Материалы исследования могут быть использованы в практической работе педагогов-психологов коррекционных центров, дошкольных образовательных учреждений, для просветительской и консультационной работы с родителями и педагогами ДОУ, а также в курсах подготовки и повышения квалификации

специалистов, работающих с детьми раннего возраста. Разработанные в процессе исследования карты наблюдений за родительско-детским взаимодействием и валидизированный опросник выраженности симптомов кризиса трех лет могут быть использованы в исследованиях и в практике в области психологии развития.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Обнаружены 2 фазы кризиса 3 лет: предкритическая и критическая. Период от 2 лет 1 мес. до 2 лет 9 мес. в целом можно рассматривать как предкритическую фазу. В период после 2 лет 10 мес. большинство детей вступают в критическую фазу: появляются признаки «объективного кризиса» («гордость за достижение»). Основные различия в протекании кризиса 3 лет у мальчиков и девочек отмечаются в критическую фазу и связаны с конструктивной составляющей, т.е. с признаками «объективного кризиса». Это позволяет сделать вывод о более раннем начале этого нормативного возрастного периода у девочек. Механизмом, запускающим кризис 3 лет, можно считать появление в речи слов «Я», «Я сам/сама», «хочу/не хочу», «буду/не буду».

2. Структурные характеристики семьи оказывают влияние на кризисные проявления, при этом наибольшее значение имеет фактор наличия сиблингов. Наличие у ребенка брата или сестры может провоцировать невротические реакции и обострять негативистские симптомы. В семьях с тремя детьми родители отмечают меньше демонстративных форм поведения у ребенка.

3. Кризисные проявления взаимосвязаны с характеристиками семейного взаимодействия. Зрелость стилевых характеристик воспитания и благополучие в эмоциональном взаимодействии матери с ребенком можно рассматривать как ресурсы для успешного прохождения ребенком кризиса 3 лет, т.к. они способствуют снижению невротических реакций и ослабляют некоторые негативистские симптомы. В то же время кризис 3 лет может проявляться и при благополучии в эмоциональном взаимодействии матерей с детьми, что подтверждает его нормативность.

4. Семейные предикторы кризисных проявлений различаются в зависимости от фазы кризиса и их влияние наиболее существенно в ситуации пролонгированного кризиса (после 3,5 лет). Предикторами предкритической фазы выступают характеристики эмоционального взаимодействия матерей с детьми (недостаточное эмоциональное принятие ребенка, в то же время чувствительность к нему и удовлетворенность семейной сплоченностью). Предикторами критической фазы являются стилевые характеристики: воспитательная неуверенность матерей и потворствующая гиперпротекция, которая, наоборот, затягивает наступление критической фазы. Потворствующая гиперпротекция, неразвитость родительских чувств, застревание матерей на этапе «усиления

привычных воспитательных воздействий» могут пролонгировать кризис после 3,5 лет.

Апробация и внедрение результатов исследования. Результаты исследования были доложены на юбилейной конференции Московского регионального отделения Российского психологического общества (РПО) «От истоков к современности» (Москва, 2015), на традиционной ежегодной международной научной конференции «Ананьевские чтения – 2015. Фундаментальные проблемы психологии» (Санкт-Петербург, 2015), а также на 17-ой Европейской конференции по психологии развития - 17th European Conference on Developmental Psychology, ECDP-2015 (Брага, 2015). Результаты исследования обсуждались на заседаниях кафедры психологии развития и дифференциальной психологии СПбГУ.

Результаты исследования используются в консультировании родителей по вопросам детско-родительских отношений, при проведении тренингов «Мать и дитя», развивающих занятий для детей раннего возраста и их матерей в МОУ «ЦППМ и СП» Всеволожского района Ленинградской области, а также при проведении консультаций для педагогов-психологов дошкольных образовательных учреждений Всеволожского района.

Достоверность и надежность исследования определяется методологической обоснованностью исследования, применением методов, адекватных целям и задачам, поставленным в работе; использованием психодиагностических методов, соответствующих возрасту детей и отвечающих требованиям валидности, сочетанием психодиагностических методик и метода наблюдения; достаточной численностью выборки, а также применением современного математико-статистического аппарата с использованием пакета программы IBM SPSS Statistics-21.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы и Приложений. Работа содержит 235 страниц, 47 таблиц, 4 рисунка (без Приложений). Список литературы включает 186 источников, из них 40 источников на иностранном языке. В Приложениях на 20 страницах представлены использованные методики, 4 таблицы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обоснована актуальность работы; определены цель, задачи, объект, предмет исследования, сформулированы гипотезы, представлены методологические основания и эмпирические методы исследования; показаны научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, изложены положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Обзор теоретических и эмпирических исследований по проблемам кризиса трех лет и семейного взаимодействия» проанализированы классические и современные концепции возрастных кризисов, содержание кризиса 3 лет, основные понятия в системе отношений «родитель-ребенок», развитие детско-родительских отношений в онтогенезе, влияние структурных и содержательных характеристик семьи на психическое развитие ребенка и кризисные проявления.

Понятие и содержание возрастных кризисов детства и отрочества активно разрабатывается в отечественной психологии, прежде всего, в русле культурно-исторической теории Л.С. Выготского. К классическим работам в этой области можно отнести работы П.П. Блонского, Л.С. Выготского, Н.А. Менчинской, Л.И. Божович, А.Л. Венгера, М.И. Лисиной, В.С. Мухиной, Д.Б. Эльконина и Т.В. Драгуновой. Дальнейшее ее развитие связано с именами С.Ю. Мещеряковой, М.Г. Елагиной, Т.В. Гуськовой, Л.Ф. Обуховой, Б.Д. Эльконина, Г.А. Цукерман, Е.О. Смирновой, К.Н. Поливановой, Е.Е. Сапоговой. В.И. Слободчиков и Е.И. Исаев (2000) в своей периодизации выделяют кризисы рождения и кризисы развития.

В психологии возрастных кризисов в настоящее время утвердилась линия признания их нормативности. Можно выделить 2 основных подхода к пониманию феномена кризиса. В классической концепции Л.С. Выготского кризис связан с кульминацией микроизменений предшествующего стабильного периода и сменой социальной ситуации развития, отмечается преходящий характер кризисных новообразований. К.Н. Поливанова (2000) описывает кризис с точки зрения перехода от «объективно существующих» новых способностей к их субъективации через механизм пробы.

При этом существуют разные взгляды на нормативность отдельных категорий кризисных проявлений. Традиционно их анализ идет в двух направлениях: психические, личностные новообразования и поведенческие симптомы. В модели Т.В. Гуськовой и М.Г. Елагиной (1987) разводятся «объективный» кризис (появление конструктивных новообразований) и «субъективный» кризис (картина сопровождающих его симптомов, прежде всего, негативистских), при этом нормативным является только «объективный» кризис. К.Н. Поливанова предлагает иной вариант, делая акцент на единстве конструктивной и деструктивной составляющих кризиса. На примере «кризиса 7 лет» она раскрывает психологический смысл всех категорий симптомов и обозначает кризис в целом как «акт развития». Можно предположить, что «объективный» кризис в большей степени обусловлен внутренними причинами, связан с общим темпом психического развития ребенка, в то время как на

«субъективный» кризис более активно влияют внешние факторы (прежде всего, семейные).

В европейской и американской психологии более распространена «модель перехода» с условностью границ, и понятие возрастного кризиса не является популярным. Термины «конфликт» или «кризис развития» применяют к периодизации Э. Эриксона, но она в большей степени касается стабильных периодов. Используемые понятия «critical periods» и «critical points» (Г. Бронсон, А. Кларк, Дж. Скотт и др.) имеют значения «сенситивный», «ранимый». Несмотря на описание симптоматики кризиса 3 лет Э. Келлер и Ш. Бюлер, в более поздних классических работах, например, Б.Л. Уайта и С. Вульф, отмечаются другие границы периодов «трудновоспитуемости» (2 года и 5 лет). В современных публикациях иногда описываются новообразования и проблемы, типичные для детских кризисов, но без указания на кризисность периода (Emanuel L., 2013). Тем не менее, кросскультурное исследование выявило сходство в протекании кризиса 3 лет у российских и китайских детей (Василенко В.Е., 2013).

Кризис 3 лет относится к «большим» кризисам (Д.Б. Эльконин) Изучена его негативистская и невротическая симптоматика (Э. Келлер, Ш. Бюлер, Л.С. Выготский), описаны конструктивные новообразования: автономность (Э. Эриксон), возникновение «Я» как маркера самосознания (Л.И. Божович), личное действие и сознание «Я сам» (Д.Б. Эльконин), «гордость за достижение» (Т.В. Гуськова), «Я-действующий» (К.Н. Поливанова). Начало кризиса 3 лет связано с «обобщением восприятия», а конец - с «интеллектуализацией восприятия», осознанием себя самостоятельным субъектом речи и общения (Н.В. Разина, 2002).

Тем не менее, остается открытым вопрос о возрастно-половых факторах, влияющих на протекание кризиса 3 лет. В исследованиях Т.В. Гуськовой (1988), В.Е. Василенко и А.В. Воробьевой (2014) показан переход от предкритической фазы к критической, но границы этого перехода варьируют. Еще более проблематичным оказывается изучение перехода к посткритической фазе. Исследования влияния фактора пола на кризисные проявления (Косенкова А.М., Василенко В.Е., 2014; Яблочкина А.А., Василенко В.Е., 2014) дают противоречивые результаты, есть необходимость уточнения этих данных на более репрезентативной выборке.

Исследование влияния семейных факторов на психическое развитие ребенка имеет давнюю историю в зарубежной и отечественной психологии. Изучено влияние на разные стороны личности ребенка родительской депривации и типа привязанности ребенка (Дж. Боулби, М. Эйнсворт, Й. Лангмейер, З. Матейчик, А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых, Р.Ж. Мухамедрахимов и др.), неполноты семьи

(В.М. Целуйко, А.И. Захаров, Е.О. Смирнова, В.С. Собкин, А.С. Спиваковская, Е.М. Листик, Н.А. Довгая, Л.А. Головей, В.Е. Василенко, С.С. Савенышева и др.), наличия и количества сиблингов (А. Адлер, Т.Н. Андреева, Т.М. Харламова, Л.Л. Баландина, Д.С. Корниенко, Е.А. Силина, Т.А. Думитрашку, В.С. Мухина, Г.Т. Хоментаскас, Р.В. Zajonz и др.). Активно изучаются стили воспитания и параметры родительского отношения, родительские установки и их влияние на ребенка (Д. Баумринд, Е. Маккоби, А. Бандура, Р. Уолтерс, Е.С. Шеффер и Р.А. Белл, Дж. Бельский; В.И. Гарбузов, А.И. Захаров, Д.Н. Исаев, Э.Г. Эйдемиллер, В.В. Юстицкис, А.С. Спиваковская И.М. Марковская, А.Я. Варга, О.А. Карабанова, Е.О. Смирнова, М.В. Соколова, А.А. Шавырина, Н.И. Корытченкова, М.Н. Поветьева, Е.Г. Трошихина, Н.В. Горбунова, Л.А. Головей, С.С. Савенышева, В.Е. Василенко, Е.Е. Энгельгардт и др.).

Отметим, что подавляющая часть этих исследований касается стабильных периодов, в то время как кризисные долгое время оставались вне поля изучения. Теоретические разработки показывают важность детско-родительских отношений для благополучного разрешения кризиса и развития личности ребенка (Л.С. Выготский, Л.И. Божович, Д.Б. Эльконин, Т.В. Гуськова). Можно говорить о кризисе системы воспитания, предполагающем переход от этапа усиления прежних воспитательных воздействий к этапу поиска новых воздействий (Поливанова К.Н., 2000).

Немногочисленные эмпирические исследования кризисных периодов обнаружили важность перестройки в общении родителей с детьми (Гуськова Т.В., 1988; Разина Н.В., 2002), взаимосвязь симптомов кризисов 3 и 7 лет с характеристиками детско-родительских отношений (Василенко В.Е., Воробьева А.В., 2014; Яблочкина А.А., Василенко В.Е., 2014; Головей Л.А., Савенышева С.С., Василенко В.Е., 2015), специфику проявлений «кризиса 7 лет» в полных и неполных семьях (Василенко В.Е., Зубкова М.В., 2013). Вместе с тем, необходимо комплексное и более детальное исследование влияния семейных факторов на протекание кризисов детства.

Во второй главе – «Организация и методы исследования» дана подробная характеристика выборки, представлены используемые психодиагностические методы и карты наблюдений за реальным взаимодействием матерей с детьми (в процессе и до/после развивающих занятий), раскрыты методы математико-статистической обработки данных. Исследование проводилось в 2014 году на базе МОУ «ЦППМ и СП» и дошкольных образовательных учреждений Всеволожского района Ленинградской области. В нем приняли участие 117 детей: 65 мальчиков (56% выборки) и 52 девочки (44% выборки) в возрасте от 2 лет 1 мес. до 3 лет 11 мес. и 117 их матерей. Средний возраст детей – 3 года. С целью

выявления предкритической, критической и критической фаз выборка была разбита на 3 микровозрастные группы: 1) от 2 лет 1 мес. до 2 лет 9 мес. (45 детей), 2) от 2 лет 10 мес. до 3 лет 6 мес. (44 ребенка), 3) от 3 лет 7 мес. до 3 лет 11 месяцев (28 детей). При проведении возрастных границ мы опирались на исследование «объективного кризиса» Т.В. Гуськовой (1988). В нем было выявлено, что в период от 2 лет 10 мес. до 3 лет 2 мес. по сравнению с периодом до 2 лет 10 мес. выше все параметры конструктивной составляющей кризиса, а в период от 3 лет 2 мес. до 3 лет 6 мес. продолжается увеличение 3 показателей из 7. На основе этих данных мы выделили период до 2 лет 10 мес. как гипотетическую предкритическую фазу для всех категорий кризисных проявлений, и обозначили предполагаемые границы для «посткритической фазы» за пределами 3,5 лет. В исследовании участвовали 100 полных семей (85%) и 17 – неполных (15%); 67 детей имеют сиблингов (57%), 50 – единственные (43%), при этом 47 детей имеют одного сиблинга, 20 - двух сиблингов. 98 матерей активно вовлечены в процесс воспитания (84%) и 19 матерей (16%) в силу своей занятости делегируют свои воспитательные функции другим близким взрослым, при этом 18 семей пользуются услугами няни.

В третьей главе «Результаты исследования (анализ эмпирических данных)» изложены полученные данные в соответствии с задачами работы.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о благополучном протекании кризиса у большинства детей во всех трех возрастных группах. Так, по опроснику В.Е. Василенко выявлено преобладание конструктивных проявлений кризиса (выраженность 63% для всей выборки), на втором месте находятся негативистские проявления (46%), невротические реакции выражены слабо (17%). Анкета Т.В. Гуськовой подтверждает преобладание конструктивных проявлений ($M=10,94$) над негативистскими ($M=8,8$).

Микровозрастной анализ проявлений кризиса 3 лет выявил, что общий показатель кризиса (по анкете Т.В. Гуськовой) выше в 3 и 2-ой возрастных группах по сравнению с 1-ой ($p<0,001$ и $p<0,05$). При этом на уровне статистической тенденции общий показатель кризиса в третьей группе выше, чем во второй ($p<0,1$). Показатели категории конструктивных проявлений (и по опроснику В.Е. Василенко, и по анкете Т.В. Гуськовой) в группах 2 и 3 выше, чем в первой ($p<0,01$). В третьей группе по сравнению с первой также выше показатель негативистских проявлений кризиса ($p<0,05$).

Возрастные различия в отдельных проявлениях кризиса представлены на рис. 1.

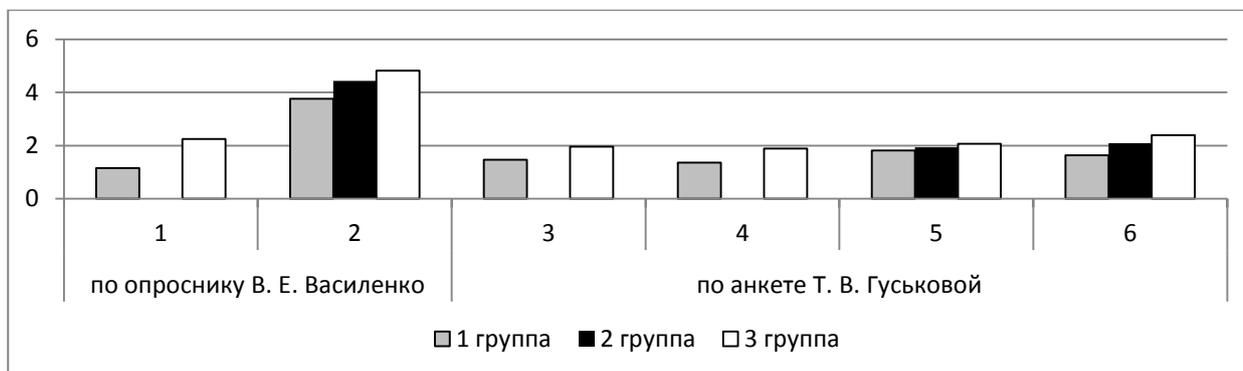

Рис. 1. Значимые микровозрастные различия в отдельных проявлениях кризиса 3 лет

Условные обозначения к рис. 1: 1- симптом обесценивания ($p < 0,05$), 2 – изменение в отношении к взрослым (1 и 2 группы $p < 0,05$; 1 и 3 группы $p < 0,001$), 3 - трудности во взаимодействии с ребенком ($p < 0,05$), 4 - неспособность контролировать поведение ребенка ($p < 0,01$), 5 - появление новых слов (1 и 2 группы $p < 0,01$; 1 и 3 группы $p < 0,05$), 6 - фантазирование, новые роли (1 и 2 группы $p < 0,05$; 1 и 3 группы $p < 0,001$).

Матери детей второй и третьей групп по сравнению с первой отмечают изменение отношения ребенка к взрослым, значительное увеличение в речи ребенка слов, связанных с утверждением «Я»: «Я», «хочу/не хочу», «буду/не буду», появление фантазирования и новых ролей. В третьей группе по сравнению с первой более выражен симптом обесценивания у детей, матерям сложнее контролировать поведение ребенка, они испытывают больше трудностей при взаимодействии с ним.

Таким образом, дети первой возрастной группы (период от 2 лет 1 мес. до 2 лет 9 мес.) в основном находятся еще в «предкритической» фазе. После 2 лет 10 мес. большинство детей вступают в критическую фазу. Ожидаемой «посткритической» фазы в третьей группе (от 3 лет 7 мес. до 3 лет 11 мес.) мы не обнаружили.

Различия в кризисных проявлениях в связи с полом ребенка. У девочек выше общий показатель кризиса ($p < 0,05$) и показатель конструктивных проявлений ($p < 0,01$) по анкете Т.В. Гуськовой, а также на уровне статистической тенденции - показатель негативистских проявлений по опроснику В.Е. Василенко. Из отдельных проявлений кризиса у девочек более выражены появление новых слов, связанных с утверждением «Я» ($p < 0,01$), строптивость и деспотизм/ревность ($p < 0,05$). У мальчиков более выражено изменение отношения к предметному миру - появление мотивации достижения ($p < 0,05$) и затруднения в речи ($p \leq 0,001$).

Микровозрастной анализ по полу выявил, что кризис начинается раньше у девочек – в предкритической и критической фазах у них более выражены конструктивные проявления ($p < 0,01$) и общий показатель кризиса (статистическая тенденция и $p < 0,05$).

Половые различия в отдельных проявлениях кризиса с учетом его фазы представлены на рис. 2.

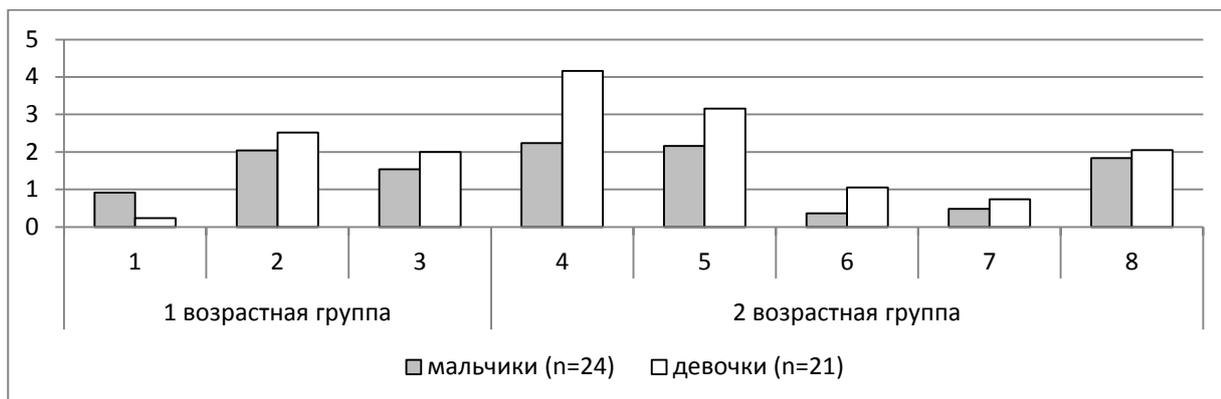

Рис. 2. Значимые половые различия в отдельных кризисных проявлениях в предкритической и критической фазе

Условные обозначения к рис. 2: 1- затруднения в речи ($p < 0,05$), 2- появление новых слов ($p < 0,05$), 3 - потребность в оценке взрослого ($p < 0,05$), 4 - деспотизм/ревность ($p \leq 0,001$), 5 - изменение отношения к себе ($p < 0,05$), 6 - признаки психического напряжения ($p < 0,05$), 7 - психосоматические реакции ($p < 0,05$), появление новых друзей ($p < 0,01$).

После 3,5 лет различия по полу сглаживаются.

Различия в кризисных проявлениях в связи со структурой семьи. В период кризиса 3 лет в неполных семьях матерям сложнее контролировать поведение ребенка ($p < 0,05$). У детей, имеющих сиблингов, выше показатели соматических реакций ($p < 0,01$), эмоциональной возбудимости, симптома обесценивания, ревности и протеста-бунта, родители отмечают больше трудностей при взаимодействии с ними ($p < 0,1$). В семьях с тремя детьми дети проявляют меньше новых демонстративных форм поведения ($p < 0,05$). У детей, матери которых в большой степени делегируют свои воспитательные функции другим родственникам, менее сформирована конструктивная составляющая кризиса «гордость за достижения» ($p < 0,05$).

Микровозрастной анализ выявил, что кризис 3 лет начинается раньше у единственных детей – в предкритической фазе у них (по анкете Т.В. Гуськовой) выше общий показатель кризиса ($p < 0,05$), в основном за счет конструктивной составляющей ($p \leq 0,001$). При наступлении критической фазы, наоборот, кризис более выражен у детей, имеющих сиблингов, но за счет «субъективного» кризиса: у них более выражены беспокойный сон, страхи ($p < 0,05$), эмоциональная возбудимость и ревность (статистическая тенденция). В третьей возрастной группе у детей, имеющих сиблингов, более выражено упрямство ($p < 0,01$) и психосоматические реакции ($p < 0,05$).

Анализ характеристик семейного взаимодействия в связи с факторами возраста и пола ребенка выявил ряд особенностей.

В стилевых характеристиках воспитания матерей (по АСВ) выделяется диада недостаточности: санкций (41%) и запретов (32%), а также гиперпротекция (29%). Наблюдение за взаимодействием подтверждает выраженность гиперпротекции и потворствования. При этом у трети матерей мальчиков отмечается потворствующая гиперпротекция, а у матерей девочек примерно одинаково выражены как потворствующая, так и доминирующая гиперпротекция. После 3,5 лет гиперпротекция менее выражена ($p < 0,05$).

Наиболее благоприятная картина в эмоциональном взаимодействии отмечается по параметрам: «оказание эмоциональной поддержки ребенку», «преобладающий эмоциональный фон взаимодействия» и «безусловное принятие ребенка». Выявлены трудности с умением воздействовать на состояние ребенка (23%), пониманием причин его состояния (21%), сниженная эмпатия (16%). Наблюдение выявило сложности с ориентацией на состояние ребенка (41%). Возрастно-половые различия выражены слабо. Выявлена большая чувствительность матерей к детям в предкритическую фазу ($p < 0,05$) и относительная стабильность характеристик эмоционального детско-родительского взаимодействия после наступления критической фазы.

В первых двух возрастных группах (предкритическая и критическая фазы) преобладают связанный тип семейной сплоченности и гибкий тип адаптации, что свидетельствует об эмоциональной близости членов семьи, возможности подстраиваться под ситуации, т.е. об успешности функционирования семейной системы. В третьей возрастной группе преобладают разделенный тип сплоченности и хаотичный тип адаптации, что отражает картину затянувшегося кризиса у детей после 3,5 лет.

Корреляционный анализ выявил *согласованность характеристик семейного взаимодействия*, полученных с помощью психодиагностических и наблюдательных методов.

Анализ взаимосвязей кризисных проявлений и характеристик семейного взаимодействия был проведен на всей выборке для общих показателей кризиса и для показателей разных категорий кризисных проявлений. Наибольшее число корреляций выявлено у невротических реакций (особенно с параметрами эмоционального взаимодействия), а наименьшее - у конструктивных проявлений кризиса.

Показатель невротических реакций выше при более выраженных у матерей фобии утраты ребенка, проекции нежелательных качеств на ребенка ($p < 0,001$), при недостаточности требований-обязанностей ($p < 0,05$) [по опроснику АСВ] и ниже при гиперпротекции по карте наблюдений ($p < 0,05$). Последний факт можно объяснить социальной желательностью ответов (контролирующие матери не

склонны писать про невротические реакции детей) или тем, что сверхзабота матерей в раннем детстве может выступать фактором, снижающим невротизацию детей. Невротические реакции менее выражены при благополучии в эмоциональном взаимодействии – при более высоких общих показателях опросника ОДРЭВ и карты наблюдений по блокам эмоционального принятия ($p \leq 0,001$), поведенческих проявлений эмоционального взаимодействия ($p < 0,01$ по опроснику и $p < 0,001$ по карте наблюдений), а также по блоку чувствительности матерей ($p < 0,01$) по карте наблюдений. Выявлено большое количество корреляций с отдельными показателями эмоционального взаимодействия. Невротические реакции более выражены при неудовлетворенности сплоченностью семьи ($p < 0,05$).

Оба показателя негативистских проявлений (и по опроснику В.Е. Василенко, и по анкете Т.В. Гуськовой) выше при более высоких показателях в воспитании недостаточности требований – обязанностей ($p < 0,001$), гипопротекции ($p < 0,01$ и $p < 0,05$), неустойчивости стиля воспитания ($p < 0,05$), воспитательной неуверенности матерей и проекции нежелательных качеств на ребенка ($p \leq 0,001$). Негативистские проявления по опроснику также положительно коррелируют с потворствованием или, наоборот, с игнорированием потребностей ребенка ($p < 0,05$), с предпочтением женских ($p < 0,001$), детских или мужских качеств в нем, а также при неразвитости родительских чувств и вынесении конфликта родителей в сферу воспитания ($p < 0,05$). Все эти взаимосвязи касаются опросника АСВ, с данными наблюдения корреляций не обнаружено. Оба показателя негативистских проявлений отрицательно коррелируют с блоком эмоционального принятия ($p < 0,001$), показатель по опроснику В.Е. Василенко также отрицательно коррелирует с блоком поведенческих проявлений эмоционального взаимодействия ($p < 0,01$) [по опроснику ОДРЭВ]. Выявлено большое количество отрицательных корреляций с отдельными показателями ОДРЭВ и одна положительная корреляция с ориентацией матери на состояние ребенка при построении взаимодействия ($p < 0,05$). Негативистские проявления по опроснику положительно коррелируют с неудовлетворенностью семейной адаптацией и сплоченностью ($p < 0,001$ и $p < 0,01$).

Конструктивные проявления кризиса (и по опроснику, и по анкете) имеют мало корреляций с показателями семейного взаимодействия, причем все на уровне $p < 0,05$. Они более выражены при более высоких показателях недостаточности требований-запретов, расширения сферы родительских чувств (по опроснику АСВ), принятия своей родительской роли (по карте наблюдений), гибкости семейной системы и ниже при более позитивных чувствах при взаимодействии (по опроснику ОДРЭВ).

Для дальнейшего выявления предикторов кризиса с целью получения обобщенных показателей стилей воспитания был проведен **факторный анализ стилевых характеристик воспитания и личностных проблем матерей, связанных с воспитанием** (на основе показателей АСВ и карты наблюдений). В результате было выявлено 7 факторов стилей воспитания, описывающих 59% общей дисперсии: 1. строгость и требовательность в реальном взаимодействии матери с ребенком, 2. потворствующая гиперпротекция, 3. воспитательная неуверенность матери, 4. неразвитость родительских чувств, 5. строгость при расширении родительских чувств, 6. предпочтение мужских/женских качеств в ребенке, 7. потворствующая гиперпротекция в реальном взаимодействии с ребенком.

Влияние показателей семейного взаимодействия на выраженность кризиса трех лет у детей (регрессионный анализ). В качестве зависимых переменных рассматривались общие показатели кризиса и показатели категорий кризисных проявлений (по опроснику В.Е. Василенко и по анкете Т.В. Гуськовой). В качестве независимых переменных выступали стилевые характеристики воспитания (факторы стилей воспитания, полученные на основе факторного анализа показателей опросника АСВ и карты наблюдений стилевых характеристик воспитания), интегральные показатели эмоционального взаимодействия (по опроснику ОДРЭВ и карте наблюдения эмоционального взаимодействия «Родитель-ребенок»), показатели реальной семейной сплоченности и адаптации и разницы между показателями реальной и идеальной сплоченности и адаптации (по FACES-III).

Регрессионный анализ проводился на общей выборке и в 3 возрастных группах. На общей выборке выявлены 6 предикторов общего показателя кризисных проявлений по опроснику В.Е. Василенко: меньшее эмоциональное принятие ребенка ($p < 0,001$), неразвитость родительских чувств ($p < 0,01$), незрелость поведенческих проявлений матерей при реальном эмоциональном взаимодействии, воспитательная неуверенность, потворствующая гиперпротекция и в то же время более высокая чувствительность к ребенку ($p < 0,05$). Модель объясняет 35% дисперсии. В модели с общим показателем кризисных проявлений по анкете Т.В. Гуськовой (20% дисперсии) выявлено 3 предиктора: меньшее эмоциональное принятие ребенка ($p \leq 0,001$), воспитательная неуверенность матерей ($p < 0,01$), высокая сплоченность семьи ($p < 0,05$).

Результаты микровозрастного регрессионного анализа довольно показательны. Влияние характеристик семейного взаимодействия на общие показатели кризиса более выражено в третьей возрастной группе, т.е. в фазе

продолженного кризиса (74% и 56% дисперсии). В предкритическую и критическую фазы оно не так существенно - дисперсия от 18 до 36%.

В первой возрастной группе модель с общим показателем кризисных проявлений по опроснику В.Е. Василенко (28% дисперсии) включает только 1 предиктор: меньшее эмоциональное принятие ребенка ($p < 0,001$). В модели с общим показателем кризисных проявлений по анкете Т.В. Гуськовой (36% дисперсии) выявлено 3 предиктора: меньшее эмоциональное принятие ребенка ($p \leq 0,001$), в то же время чувствительность матерей к ребенку и их удовлетворенность семейной сплоченностью ($p < 0,01$).

Во второй возрастной группе модель с общим показателем кризисных проявлений по опроснику В.Е. Василенко (27% дисперсии) включает 2 предиктора: симптомы кризиса более выражены при воспитательной неуверенности матерей ($p < 0,01$) и менее выражены при потворствующей гиперпротекции в реальном взаимодействии с ребенком ($p < 0,05$). В модели с общим показателем кризисных проявлений по анкете Т.В. Гуськовой (18% дисперсии) выявлен 1 предиктор – воспитательная неуверенность ($p < 0,01$).

В третьей возрастной группе модель с общим показателем кризисных проявлений по опроснику В.Е. Василенко (74% дисперсии) включает 4 предиктора: потворствующая гиперпротекция, неудовлетворенность семейной сплоченностью, неразвитость родительских чувств ($p < 0,001$), строгость и требовательность в реальном взаимодействии с ребенком ($p < 0,05$). Модель с общим показателем кризисных проявлений по анкете Т.В. Гуськовой (56% дисперсии) включает 2 предиктора: неудовлетворенность семейной сплоченностью ($p < 0,001$) и в то же время высокую семейную сплоченность ($p < 0,05$).

С учетом наиболее значимого влияния характеристик семейного взаимодействия, а также некоторой противоречивости полученных данных в третьей возрастной группе, мы провели регрессионный анализ в этой группе отдельно для разных категорий кризисных проявлений. Это позволило более дифференцированно выявить причины затянувшегося кризиса.

Выявлено, что после 3,5 лет конструктивные проявления кризиса 3 лет (по анкете) более выражены у детей, матери которых отмечают меньшую семейную сплоченность ($p < 0,01$) и в то же время при реальном взаимодействии с детьми демонстрируют высокую сформированность блока поведенческих проявлений ($p < 0,05$). Модель объясняет 34% дисперсии.

Предикторами негативистских проявлений по опроснику (71% дисперсии) оказались меньшее эмоциональное принятие ребенка ($p \leq 0,001$), более выраженная потворствующая гиперпротекция ($p < 0,001$), чувствительность к ребенку и

неудовлетворенность семейной сплоченностью ($p < 0,05$). Предиктором показателя по анкете (22% дисперсии) оказалось только меньшее эмоциональное принятие ребенка ($p < 0,05$).

Невротические реакции более выражены у детей, матери которых в большей степени демонстрируют неразвитость родительских чувств ($p < 0,001$), потворствующую гиперпротекцию ($p < 0,01$), строгость и требовательность в реальном взаимодействии с ребенком и неудовлетворенность семейной сплоченностью ($p < 0,05$) [61% дисперсии].

В заключительном параграфе главы 3 анализируются индивидуальные случаи протекания у детей разных фаз кризиса 3 лет.

В четвертой главе «Обсуждение результатов исследования» интерпретированы результаты исследования, их согласованность с известными ранее данными, сделаны обобщения.

Проведенное исследование эмпирически подтвердило идею К.Н. Поливановой - *механизмом кризиса* можно считать появление в речи ребенка слов «Я», «хочу/не хочу», «буду/не буду» - эти символы начинают осмысливаться ребенком в варьировании разных ситуаций действия (экспериментирование, проба в виде негативистских реакций). Н.В. Разина также полагает, что выход из кризиса сопряжен с тем, что ребенок становится подлинным субъектом своей речи (Разина Н.В., 2002).

Выявленный нами *переход от предкритической к критической фазе* согласуется с экспериментальными данными изучения «гордости за достижение» (Гуськова Т.В., 1988) и с данными лонгитюда (Василенко В.Е., Воробьева А.В., 2014). Мы видим относительно координированную картину начала «объективного кризиса» и критической фазы в целом после 2 лет 9 – 10 мес. Тем не менее, с учетом индивидуальной вариативности эти хронологические границы носят условный характер. Что касается посткритической фазы, то, как и в предшествующих исследованиях, выявить ее не удалось. Несмотря на то, что мы сдвинули границу для гипотетической посткритической фазы после 3 лет 6 мес., исследование показало, что кризисные проявления остаются и за пределами 3,5 лет. Для выявления посткритической фазы необходимо лонгитюдное исследование. Причины затягивания кризиса мы обнаружили в особенностях семейного воспитания.

Полученные данные уточнили *влияние фактора пола* на кризисные проявления, т.к. в других исследованиях были получены противоречивые данные: большая выраженность негативистских и невротических проявлений у мальчиков (Яблочкина А.А., Василенко В.Е., 2014) и большая выраженность общего показателя кризиса и конструктивных проявлений у девочек (Косенкова А.М.,

Василенко В.Е., 2014). С учетом наших данных можно сделать вывод, что у девочек в силу более раннего речевого развития раньше начинается «объективный» кризис и наступает критическая фаза. В то же время различия в «субъективном кризисе», т.е. внешней картине негативистских проявлений и невротических реакций более индивидуальны.

Исследование подтвердило *тенденции к минимизации запретов и гиперпротекции* у современных матерей, обнаруженные у матерей дошкольников (Головей Л.А., Савенышева С.С., Василенко В.Е., 2015). Выявленные нами *проблемные зоны эмоционального взаимодействия* согласуются с результатами исследования кризиса 1 года (Василенко В.Е., Наталенко Я.В., 2016), что свидетельствует об общих закономерностях.

Исследование *факторов структуры семьи* показало, что для формирования конструктивной составляющей кризиса наиболее важно внимание родителей к ребенку. Об этом свидетельствуют более раннее наступление «объективного кризиса» у единственных детей и большая его выраженность у детей «вовлеченных в воспитание» матерей. Негативистская и невротическая симптоматика кризиса может обостряться у детей при наличии сиблингов (особенно это характерно для критической фазы). В то же время в семьях с 3 детьми родители отмечают меньше новых демонстративных форм поведения у детей. Таким образом, наибольшее влияние на кризисные проявления оказывает наличие сиблингов, и наиболее уязвимой в период кризиса 3 лет является семейная система с двумя детьми.

Результаты *корреляционного анализа* свидетельствуют о нормативности «объективного» кризиса. Конструктивная составляющая не имеет тесных связей с семейными факторами, может быть выражена при разных стратегиях воспитания и при разной ситуации в эмоциональном взаимодействии. Сопоставление наших данных с исследованием кризиса 1 года (Василенко В.Е., Наталенко Я.В., 2016) и с исследованием «кризиса 7 лет» (Василенко В.Е., Зубкова М.В., 2013) показывает, что связь «объективного кризиса» с характеристиками детско-родительского взаимодействия ослабевает по мере взросления ребенка. В свою очередь, данная закономерность переключается со сменой доминирования личностного начала в детско-родительских отношениях на предметное в период от 2 до 8 лет (Смирнова Е.О., Соколова М.В., 2007). Данные также свидетельствуют о важности нахождения необходимой меры запретов.

«Субъективный кризис» более тесно взаимосвязан с особенностями семейного взаимодействия. Негативистские и невротические проявления кризиса могут быть усилены или спровоцированы недостаточно зрелыми стратегиями воспитания, личностными проблемами матерей, связанными с воспитанием, и

нивелированы при благополучии в эмоциональном взаимодействии матерей с детьми. Выраженность негативистских и невротических проявлений взаимосвязана с неудовлетворенностью матерей семейной сплоченностью, невротических – еще и с неудовлетворенностью в плане гибкости семейной системы. В то же время можно предположить и взаимовлияние - «трудновоспитуемость» ребенка приводит к снижению эмоционального фона взаимодействия. Выявлено, что негативистские проявления могут наблюдаться и при благополучии в эмоциональном взаимодействии - ориентации матери на состояние ребенка при построении взаимодействия. Эти данные уточняют данные предварительных исследований (Василенко В.Е., 2013; Василенко В.Е., Воробьева А.В., 2014; А.А. Яблочкина, В.Е. Василенко, 2014).

Регрессионный анализ выявил, что на всем возрастном диапазоне основной предиктор кризисных проявлений – эмоциональное принятие ребенка: оно способствует снижению кризисной симптоматики, т.е. более спокойному протеканию кризиса. Кризисные проявления усиливаются в случае неблагоприятных тенденций в воспитании: воспитательная неуверенность матери, незрелость родительских чувств, потворствующая гиперпротекция, незрелость поведенческих проявлений при реальном взаимодействии. Тем не менее, кризис может быть выражен и при относительном благополучии в семейном функционировании (чувствительность матери к ребенку, семейная сплоченность).

В предкритическую и критическую фазы влияние характеристик семейного взаимодействия на кризисные проявления не так существенно, как в фазе пролонгированного кризиса. Это подтверждает нормативность возрастного кризиса, наличие у него внутренних механизмов. Внешние (семейные) факторы в большей степени обуславливают индивидуальные темпы прохождения кризиса и могут влиять на его затягивание у детей.

В разные фазы кризиса обнаружены различные предикторы кризисных проявлений. Так, в предкритическую фазу (от 2 лет 1 мес. до 2 лет 9 мес.) выявлено 3 предиктора, касающихся эмоциональной стороны семейных взаимоотношений: проявления кризиса 3 лет более выражены у детей, матери которых демонстрируют меньшее эмоциональное принятие ребенка, при этом выраженную чувствительность к нему и удовлетворенность семейной сплоченностью. Возможно, чувствительные и мягкие матери раньше провоцируют ребенка на экспериментирование в плане поведения, т.к. ребенок не боится вести себя по-новому. Можно также предположить, что они более внимательны к описанию первых симптомов кризиса. Что касается сплоченности семьи, то тесные эмоциональные связи могут ограничивать новые потребности ребенка в самостоятельности.

В острую фазу кризиса (от 2 лет 10 мес. до 3 лет 5 мес.) наиболее значимыми оказываются стилевые характеристики воспитания. Выявлено, что неуверенность матерей провоцирует кризисные симптомы у детей, а гиперопека на этой стадии, наоборот, препятствует их проявлению, сдвигая/затягивая наступление критической фазы. Это перекликается с данными, показывающими, что гиперопека затрудняет формирование конструктивного компонента «кризиса 7 лет» (Василенко В.Е., Зубкова М.В., 2013).

После 3,5 лет кризис в целом более выражен при потворствующей гиперпротекции, неразвитости родительских чувств, строгости и требовательности при взаимодействии с ребенком, при неудовлетворенности матерей сплоченностью семьи и, наоборот, в семьях с высокой сплоченностью. Дифференцированный анализ по категориям выявил 3 основных причины затягивания кризиса. Первая причина – потворствующая гиперопека, которая приводит к росту и закреплению негативистских и невротических проявлений. Вторая причина – неразвитость родительских чувств (усиливает невротические реакции у ребенка) и проблемы с эмоциональным принятием ребенка (в большей степени связаны с негативистской симптоматикой). Наиболее интересна третья причина – строгость и требовательность при взаимодействии с ребенком, выявленная методом наблюдения. Реальное взаимодействие матерей с детьми показывает, что в данном случае матери застряли на этапе «усиления прежних воспитательных воздействий». Эти данные подтверждают идею К.Н. Поливановой о важности своевременного перехода родителей от этого первого этапа к этапу «поиска новых воздействий» (Поливанова К.Н., 2000) и выявленные тенденции усиления запретов и стремления родителей к гиперопеке в кризисные периоды детства (Головей Л.А., Савенышева С.С., Василенко В.Е., 2015). Данные относительно семейной сплоченности частично перекликаются с данными для предкритической фазы и показывают, что после 3,5 лет тесные семейные связи затрудняют переход течения кризиса в конструктивное русло и благополучное его разрешение.

В заключении подводятся итоги, отмечается, что гипотезы исследования подтвердились за исключением аспекта выделения посткритической фазы, показана практическая значимость работы.

Выводы

1. Кризис 3 лет у детей в целом протекает благополучно: во всех возрастных группах конструктивные проявления преобладают над негативистскими, невротические реакции выражены слабо.

2. Исследование выявило фазовый характер протекания кризиса 3-х лет у детей. Период от 2 лет 1 мес. до 2 лет 9 мес. имеет признаки предкритической

фазы. Меняется отношение к предметному миру (появляется мотивация достижения) и к взрослым (становится важна оценка взрослого). В поведении встречаются упрямство, своеволие и строптивость, т.е. появляется желание утверждения своего Я, идет поиск своих психологических границ. Уже выражено стремление к самостоятельности, в речи появляются «Я», «хочу/не хочу», «буду/не буду».

3. После 2 лет 10 мес. большинство детей вступают в критическую фазу: ярче видны маркеры «объективного» кризиса. Более выражена «гордость за достижение», особенно в области изменения отношения к взрослым. По сравнению с предыдущим периодом появляются новые слова, связанные с утверждением своего «Я», первые сюжетно-ролевые игры. Общий показатель кризисных проявлений в этот период возрастает по сравнению с предшествующим. Было обнаружено, что кризисные проявления сохраняются в поведении детей и за пределами 3,5 лет, что указывает на отсутствие «посткризисной» фазы и может указывать на затянувшийся характер кризиса.

4. Выявлены половые особенности проявлений кризиса. У девочек по сравнению с мальчиками выше общий показатель кризисных проявлений, выше показатель его конструктивной составляющей, но также выше и показатель негативистских проявлений. Большинство различий выявлено в период от 2 лет 10 мес. до 3 лет 6 мес., что свидетельствует о более раннем начале критической фазы у девочек. Показано более раннее появление в речи девочек слов, связанных с утверждением своего «Я», что можно рассматривать в качестве возможного механизма, запускающего кризис.

5. Установлен разный характер проявления кризисной симптоматики у мальчиков и девочек: у девочек более выражены деспотизм/ревность и строптивость, а у мальчиков – изменение отношения к предметному миру и затруднения в речи.

6. Выявлено влияние структуры семьи на кризисные проявления. Наибольшее влияние оказывает наличие сиблингов. У детей, имеющих сиблингов, более выражены соматические реакции, эмоциональная возбудимость, симптом обесценивания, ревность и протест-бунт. Родители отмечают больше трудностей при взаимодействии с ними. В то же время в семьях с тремя детьми родители отмечают меньше демонстративных форм поведения у ребенка. В неполных семьях матерям сложнее контролировать поведение детей. При вовлеченности матерей в процесс воспитания у детей лучше сформирована конструктивная составляющая кризиса.

7. Обнаружены особенности взаимодействия матерей с детьми в период кризиса:

- В стилевых характеристиках воспитания у трети матерей выделяется диада недостаточности санкций и запретов, при этом у матерей мальчиков отмечается «потворствующая гиперпротекция», а у матерей девочек примерно одинаково выражены как «потворствующая», так и «доминирующая» гиперпротекция.

- В плане эмоционального взаимодействия наиболее благоприятная картина отмечается по параметрам: «оказание эмоциональной поддержки ребенку», «преобладающий эмоциональный фон взаимодействия» и «безусловное принятие ребенка». Проблемными зонами являются умение воздействовать на состояние ребенка, понимание причин его состояния, сниженная эмпатия, трудности с ориентацией на состояние ребенка.

- Тип семейной сплоченности различается в зависимости от возраста ребенка. В семьях, имеющих детей до 3,5 лет преобладает связанный тип семейной сплоченности, а после 3,5 лет – разделенный тип сплоченности.

- Выраженный гибкий тип адаптации, в целом, свидетельствует об успешности функционирования семейной системы.

Микровозрастные различия в детско-родительском взаимодействии проявляются в снижении гиперпротекции и чувствительности по отношению к ребенку с возрастом.

8. Характеристики семейного взаимодействия в большей степени взаимосвязаны с «субъективным» кризисом: наибольшее количество корреляций имеют невротические реакции, затем идут негативистские проявления и менее всего корреляций у конструктивных проявлений. Невротические и негативистские симптомы провоцируются незрелостью стилевых характеристик воспитания и сниженными показателями чувствительности, эмоционального принятия и поведенческих проявлений. Конструктивные проявления выше при более высокой гибкости семейной системы. В то же время негативистские симптомы могут проявляться и при благополучии в эмоциональном детско-родительском взаимодействии, а конструктивные могут быть выражены при наличии некоторых проблем в воспитании (недостаточность запретов, расширение сферы родительских чувств), что подтверждает нормативность кризиса.

9. Предикторами кризисных проявлений в предкритическую фазу являются характеристики эмоционального взаимодействия: недостаточное эмоциональное принятие ребенка, в то же время чувствительность к нему и удовлетворенность семейной сплоченностью. В критическую фазу предикторами являются стилевые характеристики: воспитательная неуверенность матерей (провоцирует кризисные проявления) и потворствующая гиперпротекция (затягивает наступление критической фазы).

10. Наиболее существенно влияние характеристик семейного взаимодействия проявляется в фазу пролонгированного кризиса - после 3,5 лет. Кризис затягивается у детей в трех основных случаях: 1) потворствующая гиперпротекция (приводит к росту негативистских и невротических проявлений), 2) неразвитость родительских чувств (усиливает невротические реакции); проблемы с эмоциональным принятием ребенка (в большей степени связаны с негативистской симптоматикой), 3) строгость и требовательность при реальном взаимодействии с ребенком, застревание на этапе «усиления прежних воспитательных воздействий». Недостаточная семейная сплоченность и, наоборот, очень тесные семейные связи также могут пролонгировать кризис после 3,5 лет.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:
Статьи в периодических изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Василенко В.Е., Уланова Ю.Ю. Опросник выраженности симптомов кризиса трех лет: психометрические характеристики [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. - 2016. - Том 8. № 4. - С. 185–198. doi:10.17759/psyedu.2016080418 (0,8/ 0,4 п.л.).

2. Уланова Ю.Ю., Василенко В.Е. Протекание кризиса трех лет в связи с факторами возраста, пола, структуры семьи и социализации ребенка // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. - 2016. - Вып. 3 (27). - С. 75–85. doi: 10.17072/2078-7898/2016-3-75-85 (0,6/ 0,3 п.л.)

3. Уланова Ю.Ю., Василенко В.Е. Проявления кризиса трех лет в связи с особенностями детско-родительского взаимодействия // Социальная психология и общество. 2016. - Том 7. № 4. - С. 68–82. doi:10.17759/sps.2016070405 (0,8/ 0,4 п.л.).

Другие публикации:

4. Иванова Ю.Ю., Василенко В.Е. Проявления кризиса 3 лет в связи с факторами возраста, пола и структуры семьи // "От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете: Сборник материалов юбилейной конференции: В 5 томах / Отв. ред. Богоявленская Д.Б. - М.: Когито-Центр, 2015. - Том 3.- С. 99-102 (0,2 / 0,1 п.л.).

5. Иванова Ю.Ю., Василенко В.Е. Микровозрастной анализ проявлений кризиса 3 лет у детей // Ананьевские чтения – 2015: Фундаментальные проблемы психологии: Материалы научной конференции. - СПб, 20-22 октября 2015 г. / Отв. ред. В.М. Аллахвердов. - СПб.: СПбГУ, Скифия-принт, 2015. - С. 235-236 (0,06 / 0,03 п.л.).

6. Victoria Vasilenko, Svetlana Savenysheva, Yulia Ivanova, Larisa Golovey. Manifestations of the 3 and 7 year old child's crises due to the factors of age, gender of child and structure of the family // 17th European Conference on Developmental Psychology. September 8-12, 2015, Braga, Portugal. Program and abstracts. - Pp. 446-448 (0,12 / 0,03 п.л.).

7. Victoria Vasilenko, Yulia Ivanova. Manifestations of the 3 and 7 years child's crises due to the parental styles and maternal attitude to a child // 17th European Conference on Developmental Psychology. September 8-12, 2015, Braga, Portugal. Program and abstracts. - Pp. 512-513 (0,06 / 0,03 п.л.).